
В Е Ч Н Ы Е
С Е М Е Й Н Ы Е
Ц Е Н Н О С Т И

Исторический роман
НАТАЛЬИ СОЛОВЬЕВОЙ

НАТАЛЬЯ СОЛОВЬЕВА

О Д Н А Ж Д Ы
Т Ы У З Н А Е Ш Ъ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Оформление серии *Е. Куликовой*

Издание подготовлено при участии литературного
агентства «Флоберיום»

Соловьева, Наталья Васильевна.

С60 Однажды ты узнаешь : роман / Наталья Соловьева. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-202501-3

Наши дни: Лиза узнает о смерти бабушки в тяжелый для себя период: ее жизнь и семья разваливаются. Она летит на похороны и вспоминает детство. Лиза так и не простила мать и Ба за нанесенные в прошлом обиды. В квартире бабушки она находит записи — исповедь, которая навсегда изменит не одну жизнь. Ба делится с внучкой своей историей, начавшейся в далеком 1941 году.

1941 год: Нина полна надежд и верит, что впереди ее ждет прекрасная, благополучная жизнь. А какая еще может быть у москвички, отличницы и единственной дочери состоятельного отца? Но одна ошибка меняет все. Городской девчонке придется жестоко заплатить за юношескую самоуверенность и наивность. К тому же все это происходит накануне войны...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Соловьева, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202501-3

...я из воды вынула его.

Ветхий Завет.

Исх. 2:10

Они стояли по колено в болоте. Черная вода кругом, холодно, стыло, хоть и лето. Где-то вдалеке слышалась немецкая речь. Их искали. Выйти в деревню, схорониться не было никакой возможности — только замереть и не двигаться. Заморосил дождь. Вода теперь была везде.

Ребенок недовольно морщился и жадно искал грудь. Не найдя молока, отворачивал голову и снова начинал всхлипывать. Она еще крепче прижала его к себе и испуганно взглянула на крупнотелую рябую бабу. Та нажевала хлебных крошек в грязную тряпицу и сунула ребенку: он засосал и на какое-то время успокоился. Время шло. Она чувствовала на себе напряженные взгляды. Баба снова и снова начинала что-то неслышно говорить, но быстро умолкала и отводила глаза. Вскоре ребенок окончательно проснулся и начал кряхтеть. Она понимала — он вот-вот раскричится, и, как знать, удастся ли его быстро успокоить? Вдруг послышалось: «Партизайнен, выходи!»

Ребенок слабо запищал — она крепко прижала его к себе, поплотней укутала в одеяльце и стала трясти. Ребенок не унимался, кряхтел все сильнее и сильнее. Старик, седой, но еще крепкий, жилистый, навис над ней, протянул ручищи:

— Дай покачаю.

Но что-то злобное было в его взгляде.

— Нет! Я сама, сама смогу. Сейчас уснет.

Баба прошептала:

— Дай я возьму, ты ж устала, бедная. У меня успокоится, я большая, теплая.

Дрожащими от напряжения руками она протянула ребенка бабе — на ее большую уютную грудь. Баба быстро глянула на старика и, отвернувшись, наклонилась вниз, к воде.

— Что ты делаешь? Что?

Она хотела броситься к бабе, но старик опередил: схватил и зажал рот крепкой мозолистой рукой, пахнувшей тиной:

— Все через него погибнем, дура! Оставь!

Она из последних, непонятно откуда взявшихся сил оттолкнула старика. В воде, все еще укутанный в тряпки, лежал ребенок. Безжизненное, бледное лицо его было скрыто водой. Она схватила ребенка, перевернула вниз головой и затрясла. Никто не учил ее, она сама знала, чувствовала, как надо.

ГЛАВА 1

Мне позвонили не вовремя. Сложно было подобрать более неудачный момент. Я была с Джоном. Он стоял с чемоданом. Уходил навсегда.

— Подождите, я не могу говорить.

Но голос возразил:

— Это не может ждать. Вы должны приехать.

— Что с ней? Она умирает?

— Она умерла.

Хлопнула дверь — Джон ушел. Ба умерла. Я осталась одна.

Я стояла у окна и смотрела, как Джон болтает с нашей соседкой снизу, грузит вещи в машину и, помигав поворотником, уезжает в свою квартиру где-то в Латинском квартале, где его ждет новая жизнь. Все было нереальным. Я не могла поверить, что происходящее со мной — правда. Все во мне вопило: это несправедливо! Мне захотелось завернуться в свое горе. Жалеть и жалеть себя. Никого не видеть. Я в бессилии

упала на кровать, которую мы покупали вместе с Джоном, и почувствовала, что не могу больше оставаться здесь, среди воспоминаний о нашей счастливой жизни. Все здесь было связано с Джоном, переполнено им. Постель все еще хранила его запах. Аромат его кожи и геля для душа, который я ему подарила на прошлое Рождество. На тумбочке валялся журнал, который Джон читал еще вчера. Мы уже давно не разговаривали. И еще дольше не занимались любовью. Джон забыл зарядку от телефона. Или оставил ее как ненужную. Как и ненужную меня.

Я схватила ноутбук и парой кликов купила билет в Москву. К Ба. Я не хотела ехать. Она была и навсегда теперь останется чужой. Я не выбирала удобное для меня время вылета (не слишком раннее и не слишком позднее), как это делала обычно. Первый попавшийся рейс, на который я могла успеть.

Чемодан, случайные вещи. Да, нужно взять что-то черное. Рюмка коньяку, чтобы унять нервы, такси. Я совсем не думала о Ба. Все еще надеялась, что Джон позвонит, что мы еще сможем все обсудить и исправить. Звук его чуть хриплого голоса — и, честное слово, я сдала бы билет: Ба все равно уже умерла, а я — живая. Я хочу жить, хочу, чтобы он по-прежнему любил меня.

Паспортный контроль Шарль-де-Голля — и вот уже роскошные бутики в дьюти фри манят своими витринами. Новые коллекции, бездушные манекены. В другой ситуации я бы обязательно побаловала себя новым парфюмом. Тушью, которая увеличивает и удлиняет, очередным тональным кремом в попытке замазать морщины и синие от недосыпа круги. В последний год, когда все рушилось, косметические ухищрения, пусть даже в тесном соседстве с антидепрессантами и снотворным, оказались бесполезными. Покупки переросли в манию. Я транжирила все больше, но становилась все несчастнее.

Мне нет сорока. В глазах других я, несомненно, успешна, работаю в международном рекламном агентстве с офисом на Елисейских Полях, говорю на шести языках, каждые два-три года меня ждет повышение. У меня отдельный кабинет с видом, полеты бизнес-классом, интересные командировки по всему миру. Предсказуемое бизнес-окружение, где все играют по одним и тем же правилам. И если ты их понял, ты — свой и все у тебя будет отлично. Я поняла. Я — умница. Я красива, слежу за собой: три раза в неделю изнуряю себя спортом под придирчивым надзором персонального тренера, регулярные маникюр и эпиляция, массаж, косметолог. И, разумеется, депрессия.

Об этом никто не рассказывает, но отчаяние и успешность частенько идут рука об руку. Чем более благополучным кажется человек — тем большая бездна неуверенности в себе и безысходности таится под его сияющей оболочкой. Такое вот «логичное» комбо.

В самолете где-то надрывно кричал младенец, уставшие от полета дети шумно бегали по проходу. Черт вас всех подери! Я стала задыхаться, сделалось нестерпимо душно. Куда лечу? Зачем? Ведь можно было сослаться на срочную работу, да мало ли на что. Я никому там не нужна — она уже умерла!

Стюардессы улыбались, носили еду, предлагали вино. Я ничего не хотела. Старалась следить за дыханием: глубокий вдох — медленный выдох. Это всего лишь паническая атака, Лиза, с тобой ничего не случится, нужно только дышать. Дыши — и скоро все закончится. Я стала судорожно листать журналы, пытаюсь хоть как-то отвлечься. Счастливые улыбающиеся люди, наслаждающиеся жизнью, белоснежный песок, безупречно сидящая одежда. И дети. Снова дети. Девочка, похожая на Софию. Не думай сейчас про Софию, дыши, нужно дышать. Глубокий вдох.

Мята! Конечно же. Я достала из сумочки пакетик мятного чая, который всегда носила

с собой, и попросила заварить его. Этот запах почему-то всегда успокаивал меня. Не знаю почему — какая-то магия. Джон всегда смеялся над этим. Джон...

Самолет стал заходить на посадку в Шереметьево, показались огни расплзающегося во все стороны чужого города, комка энергии, готового поглотить меня. Города, где меня больше никто не ждал.

Я приезжала к ней всего раз, в далеком детстве. Тем летом Маша в очередной раз выходила замуж. Маша — моя мать, я всегда называла ее по имени — ей так нравилось. Мне было, кажется, лет десять — «совок» только что развалился. Мы тогда жили в Тель-Авиве. Машин будущий муж предложил ей провести медовый месяц где-то в Италии, а я, разумеется, в эти планы не входила — у нас с будущим отчимом что-то не складывалось. Впрочем, и с Машей у них не сложилось — он не продержался и пары лет.

Помню, меня удивило, когда Маша заговорила о Москве — она никогда не стремилась на родину и не любила о ней говорить. Маша была безалаберной матерью — мне часто приходилось заботиться о себе самой, особенно когда она не ночевала по несколько дней дома. Ей

проще было бы оставить меня одну или спихнуть на кого-то из подруг, но Маша почему-то приняла решение отвезти меня к бабушке. К Ба, как я вскоре стала называть ее.

Помню, как при встрече Ба крепко прижала меня к себе. Мне стало неловко. Я не привыкла к объятиям, особенно чужого человека. Я представляла ее седой старухой с клюкой, а она оказалась худощавой и довольно-таки красивой женщиной. Маша почти не разговаривала с Ба — обменялись новостями про общих знакомых, что да как изменилось в Москве. Говорила в основном Ба, а Маша напряженно молчала, хотя я знала ее всегда веселой, любящей болтать, петь с гостями — этаким фонтанирующей энергией дивой, по-другому и не скажешь. А вот рядом с Ба Маша была совсем другой. Незнаваемой.

Сели обедать. Ба что-то говорила, вспоминала о приятелях, одноклассниках Маши, спрашивала что-то у меня. А я сидела как окаменелая, ожидая неотвратимого момента, когда Маша уедет. Я боялась Ба — не зря же Маша ее недолюбливала, что-то же произошло между ними?

Маша, не закончив обедать, схватила телефон — и вот уже красила губы в коридо-

это тогда стоило целое состояние, но Ба не скупилась. Она восхищалась мной, считала, что у меня настоящий талант.

Каждое утро Ба пекла мне блины (чего никогда не делала Маша, любившая поспать), лепила вареники или пельмени на обед, варила самый вкусный на свете борщ. А на мой день рождения (Маша забыла, кстати, меня поздравить) испекла «Наполеон».

Ба терпеливо учила меня точить карандаши, пришивать пуговицы, делать маникюр, правильно причесывать волосы, чистить зубы — выяснилось, что я ничего этого толком не умела. Все делала тяп-ляп, как беспризорница. Я удивилась: почему же Маша не привозила меня к ней раньше? Но Ба пожала плечами. Я была слишком мала, чтобы спросить: «Что между вами произошло?» Хотя не уверена, что получила бы честный ответ...

Я хорошо говорила по-русски, ведь Маша крутилась в среде русскоязычных эмигрантов, да и моими друзьями были сплошь дети выходцев из СССР. Но читала я все-таки плохо, и словарного запаса мне недоставало — да и откуда ему было взяться. Ба мгновенно подобрала «соответствующую моему развитию литературу», каждый день заставляла читать не менее двадцати страниц и пересказывать содержание.

Именно благодаря Ба я сегодня по-настоящему хорошо знаю русский язык, и ей я обязана несколькими карьерными повышениями.

Мне было так хорошо в Москве, что я стала размышлять: зачем возвращаться в Тель-Авив, к Маше, которой я, очевидно, не нужна, если есть Ба, которая меня обожает и так заботится?

Маша вернулась за мной через месяц. Прибежав после встречи с кем-то из своих обогатившихся бандитов-одноклассников подшофе, она паковала в свой клетчатый тряпичный чемодан московские сувениры и щебетала о своем счастливом медовом месяце на Капри. Я помню, что она была незагоревшей, совсем бледной. И мне подумалось, что Маша со своим новым мужем наверняка круглосуточно занималась сексом и не видела никакой Италии, все она привирает. Да, я тогда уже знала о сексе — как не знать при таком количестве Машиных любовников.

Набравшись смелости, я проямлила: «Можно мне остаться с Ба?» Я была уверена, что Маша задохнется от счастья и, конечно же, согласится — ведь она постоянно ныла всем подряд, как ей со мной тяжело (со мной-то? — возмущаюсь я спустя годы, но тогда безоговорочно верила, что была самым ужасным ребенком на свете). Помню, мой вопрос поразил

Машу — вскочила, швырнула что-то в чемодан и стала буквально верещать. Что я думаю только о себе, а бабушке вообще-то нужно работать и заниматься собой, а не неблагодарными соплячками, которые ничего не понимают. Что-то в этом роде, я уже не помню дословно. Бросила вещи неупакованными и снова умчалась куда-то, громко хлопнув дверью. Даже губы в тот раз не накрасила.

Машина реакция, такая неожиданная и странная, меня ошеломила. Но я решила все-таки не сдаваться и спросить Ба. Конечно, я должна была сначала пойти к ней, а потом уже договариваться с Машей. Это сейчас, проработав много лет в корпорации, понимаю такие вещи. А тогда, ребенком, была абсолютно непоколебимо уверена, что и обсуждать нечего: Ба будет только счастлива, если я останусь. И мы с ней ка-а-к заживем! Но и здесь я промахнулась. Ба грустно покачала головой и ответила, что, конечно же, Маша права — в Израиле мне будет лучше и что остаться никак нельзя. Я не могла поверить. Эти слова, несмотря на печаль, которая прозвучала в них, стали для меня ударом. Предательством. Словно Ба сделала мне дорогой подарок, а потом цинично отняла его у меня. Не знаю, словно вручила мне щенка на день рождения и на моих же гла-

зах задушила его. Такое я почувствовала разочарование и горе.

Был аэропорт, слезы. Плакала я, плакала Ба. Маша, накачавшись коньяком, молча кривилась и смотрела на часы.

Почему мы с Ба не общались после? Сложно сказать... Мне ведь было всего десять — что я понимала? Сейчас, на взрослую голову, мне кажется, дело было в Маше — я стала ее сообщницей в неприязни к Ба. Когда что-то было не так, Маша шутила: «Отправлю в Москву — вот там тебе покажут, где раки зимуют!» И смеялась. Я смеялась в ответ лишь затем, чтобы понравиться Маше. Чтобы завоевать наконец ее постоянно ускользающую любовь.

Москва. Современный аэропорт. Совсем не тот, серый, советский, откуда мы с Машей улетали тем летом. Ба с красными от слез глазами провожала нас. Как оказалось — навсегда.

Усталые, безразличные лица таможенников и, наоборот, радостные — встречающих. Вспомнился Трентиньян в «Мужчине и женщине». Скорость, озарение, страсть. А может, все сон — и Джон ждет меня там, среди стоящих с табличками и цветами? Улыбнется, обнимет, мы поговорим. Найдем решение. И все станет как прежде. Конечно, нет. Дура. Какая же я дура.

С облегчением выбралась из толпы встречающих, табличек, зазывал и устало упала в такси: — «Мариотт» на Арбате.

Я ведь иногда бывала в Москве, приезжала в командировки, но никогда не звонила Ба: Лиза, в Москве у тебя всегда все расписано по минутам — бизнес-партнеры, бизнес-прогулки по центру, аперитивы. А Ленинский проспект, где живет Ба, — так далеко и неудобно, аж за пределами Садового кольца. И если совсем честно, меня так и не покинуло то детское чувство, что меня предали. Ба меня предала.

Думала ли я о Ба? Нечасто. После той поездки в Москву Ба звонила мне раз в месяц. Разговоры были натужными. Да и Маша театрально фыркала, когда я говорила с Ба, и уходила в другую комнату, откуда, я точно знала, подслушивала меня. Постепенно Ба перестала звонить. Я отправляла Ба стандартную открытку на Новый год. Ба поздравляла меня с днем рождения. Помню, на каком-то обеде Маша мимоходом упомянула: «Мать сама справляется. На здоровье не жалуется. Если что-то будет нужно — нам позвонят мои друзья».

Мы договорились переводить деньги на счет. Я, если честно, выдохнула с облегчением, ведь Ба неизменно приписывала «чувствую себя хорошо», «не болею» и «ничего не нужно,